

Константин Пастух

*Птица с двумя
клювами*

Константин Пастух

Птица с двумя клювами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70533550

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90476-7

Аннотация

Во время прогулок с собаками я стал наблюдать за птицами в окрестностях Братска, и открыл для себя удивительный мир. Мир пернатых. Мир светлый и радостный. И мне захотелось приоткрыть этот мир для людей. А все благодаря "Птице с двумя клювами".

Содержание

Птица с двумя клювами	4
Желна	16
Прилетели свиристели!	23
Пришла Весна!	28
На моём берегу...	31
Ты Витю видел?..	38
Лето	47
А для птички – два пряничка...	55

Константин Пастух

Птица с двумя клювами

Птица с двумя клювами

Вечер на Кумейке.

Не доезжая посёлка, я свернул направо и поехал через по-

ля по грунтовой дороге. Так было ближе и привычней. Направлялся я на берег моря, где обычно рыбачил. Слева на пологом косогоре шли посевы овса с горохом, видать, на корм скотине. Справа широкой неровной полосой тянулся луг. Выгоревший на солнце, в колдобинах, со следами гусениц прошедшего трактора, с пересохшим руслом ручья посередине, выглядел он безрадостно и уныло.

И всё-таки луг был замечательный. Ближе к морю на его возвышенностях, на солнечном припёке разрослись целые плантации луговой клубники. Когда я собирался сюда на рыбалку с женой и дело было летом, то мы брали с собой сахар, вёдра и прямо на берегу моря вечером у костра варили варенье из ароматной лесной ягоды. Правда, сперва надо было её набрать. И это, между прочим, не самое сложное.

Сложно и муторно было потом обрывать хвостики у этой самой клубники, всё-таки набирали мы десятилитровое ведро, а ягода лесная, мелкая. Со временем мы приловчились – брали с собой мясорубку, перекручивали клубнику вместе с черешками и пересыпали сахаром. Мы много лет ездили сюда рыбачить. Здесь, возле посёлка с названием Кумейка, в Братское море вливали свои воды две сибирские реки: Ия и Ока. Рыба такие места любит, и рыбалка была здесь отменная.

Ездил сюда я и с женой Людмилой, ездил и с друзьями – Спартакoм Арбатским и Володей Инешиным – в то время моими постоянными напарниками в тайге и на море. Спар-

так и показал мне это место. Как-то встретил я его на Кирова, возле книжного магазина «Прометей», а он мне давай жаловаться: собрался на рыбалку, и вдруг – облом. С транспортом не получилось. Подвели.

– А куда собрался? – спрашиваю.

– Да в Кумейку, на залив. Я там всегда рыбачу, уже много лет, – отвечает Михалыч.

Мне приходилось бывать в тех краях – и в Кумейке, и в Куватке, и в Ключи-Булаке: всё это были отделения нашего подшефного совхоза. Расстояние неблизкое – 140 километров в один конец. Но насчёт рыбалки было заманчиво. Я там никогда не рыбачил.

– Так что, Спартак, отвезти тебя, что ли? Поедешь со мной? Нет? – спрашиваю его и ехидно улыбаюсь. Дело в том, что он как-то забежал ко мне на работу по своим делам. Пока ждал нужного человека, зашёл разговор о тайге, а он мне и говорит: «Вот мы с тобой не смогли бы вместе охотиться». «Это ещё почему?» – спрашиваю. Я был удивлён его неожиданным заявлением. «А потому, – отвечает он мне, – что двум медведям в одной берлоге не ужитья».

Я никаким медведем себя не считал, с напарниками в тайге ладил неплохо, и его слова мне показались странными и несправедливыми. И теперь я не удержался, чтобы не поддеть его по поводу «двух медведей в одной берлоге», – как, мол, ехать-то будем в одном салоне? Михалыч тут же повинился, дескать, был неправ, каюсь. И мы отправились на мо-

ей «Ниве» в Кумейку. С тех пор я и прикипел к благодатным этим местам.

В этот раз я ехал один, но на берегу меня ждали мои приятели, всё те же Спартак и Володя. Примерно через полтора километра я свернул налево. Дорога пошла на подъём. Я ехал так же по грунтовке, поднимая за собой облако пыли. Рядом лежала дорога, отсыпанная щебнем, но по ней никто не ездил. Вела она на колхозную ферму, видимо, по этой причине и решили её отсыпать. Хотели как лучше – получилось как всегда. Тяжёлая совхозная техника очень скоро разбомбила её до основания – и стала она совершенно непроезжей. Так что теперь все ездили рядом с отсыпанной, по полю, где образовалась новая дорога.

Через несколько минут справа открылся вид на залив, который предстал во всю свою ширь, во всей красе. Бывало, когда я ехал со Спартаком, то в этом месте он цепко вглядывался в открывшуюся панораму, что-то там прикидывал и радостно восклицал: «Костя! Ну ты посмотри, ты только посмотри! Ветерок несильный, с Харанжино дует в нашу сторону, к нашему берегу. Ты понимаешь? Вся рыба наша! Сто штук наши! Гарантию даю! Веришь? Нет?» – имелось в виду сто лещей. Конечно, мы ловили. Грех жаловаться.

Ловили сетями. Разовая путёвка стоила недорого, и мы со Спартаком брали две путёвки. На каждого. Так сетей больше (уже не две, как положено, на одного рыбака, а четыре) и норма вылова другая. Выписывалось разрешение на три

дня, места были рыбные, так что случалось, предсказания Спартака сбывались. Случалось – и не сбывались. Но и на этот случай у Михалыча было что сказать: «Старик, держим хвост пистолетом! Что мы, рыбы не видели?» И в самом деле, что мы, рыбы не видели?

Я подъезжал к развилке. Отсыпанная дорога здесь заканчивалась. С этого места шли две грунтовые. Одна поворачивала направо и довольно круто спускалась к морю. Другая шла прямо по пологому длинному спуску и в самом низу поворачивала на ферму. По этой же дороге можно было ехать дальше, мимо фермы, и тоже выехать к морю, на мыс. По ней мы обычно и ездили.

Впереди, справа от развилки, на обочине дороги, идущей к морю, возвышалась куча щебня, брошенного за ненадобностью. Слева же от развилки торчали два огромных камня – валуна. Один пониже, широкий и плоский, как стол, другой гораздо выше, какой-то неопределённой формы. На камне, напоминающем столешницу, я увидел пёструю красивую птицу. Яркая, привлекательная – раньше таких я здесь не встречал. Мне захотелось её рассмотреть получше, я сбавил скорость, а затем и совсем остановился, не выключая двигателя, – старался не спугнуть. Птица смотрела в мою сторону, видимо, опасалась.

Была она немногим больше голубя, с длинным тонким, как у кулика, клювом. Вся передняя часть её – и голова, и шея, и грудка – была празднично-рыжая. Всё, что шло дальше, было чёрно-белым. Я не узнавал птицу, но где-то в глубине сознания было ощущение, что я её когда-то уже видел, что знаю её. Я пытался вспомнить, мне почему-то надо было обязательно вспомнить, но не удавалось, что-то мешало.

Моя остановка, хоть и с работающим двигателем, птицу встревожила. Она повернулась в противоположную от моря сторону, пробежалась по столешнице и перепорхнула на валун повыше. Когда птица повернулась боком, мне показалось, что у неё на затылке растёт ещё один клюв. Я понимал, что никакого клюва там быть не может, но ведь что-то там торчало и оно в самом деле напоминало клюв. По крайней мере, ничего подобного я раньше не видел, не встречал.

Правду сказать, рассмотреть всё досконально, в подробностях, мне не удалось – сильно уж пугливой оказалась нарядная птица. Вспорхнув на валун повыше, она тут же снялась с него и полетела над широко раскинувшимся пастбищем в направлении виднеющегося вдали небольшого перелеска.

Уже на воде, в лодке, когда ставил сети, когда их проверял, несколько раз прилетала мне на память птица в ярком оперенье. Как-то забрала она меня и никак не отпускала, и мне всё казалось, что я её когда-то уже видел... А, может, мне

просто это казалось... Вечером, когда втроём сели у костра ужинать, я рассказал друзьям о встрече с необычной птицей. Я её подробно описал и ждал, что они подскажут мне её название, а может, и объяснят, что там такое у неё торчит на затылке. Рассказ о птице с двумя клювами моих приятелей развеселил и даже послужил поводом для всяких шуточек. Но ни один, ни другой по существу сказать ничего не смогли. Им обрисованная мной птица была незнакома.

Да и неудивительно. И Спартак, и Володя – оба были с севера Иркутской области, с Нижней Тунгуски. Как природные сибиряки они знали рябчика, тетерева, глухаря, вальдшнепа – в общем, тех птиц, на которых охотились. Спрашивал я и у других у рыбаков на берегу – никто ничего не знал о птице с двумя клювами.

Вернувшись в город, я при первой же возможности отправился в библиотеку – мне нужен был определитель птиц (интернета ещё не было). Я всё искал ответ на вопрос: что же за птица встретилась мне во время поездки на рыбалку? Если бы кто спросил, зачем мне это надо, я бы не смог ответить. Но что-то меня толкало на эти поиски. Я ведь в своей жизни столько раз встречал незнакомых птиц – и в тайге, и на море, но никогда прежде не бегал искать определитель, выяснять название незнакомой птахи. А тут побежал...

Вскоре я сидел за столом читального зала, обложившись книгами о птицах. Работники библиотеки, женщины хорошие, приветливые, притащили мне всё, что имелось на эту

тему и в читальном зале, и на абонементе. Я погрузился в мир пернатых. Перелистывая страницы, нашёл картинку с птицей, очень похожей на ту, что встретила мне на полях Кумейки. Под картинкой я прочитал название – удод. Обыкновенный удод. Надо сказать, для наших краёв птица редкая.

Как только я увидел это название, в моей памяти тут же всплыла история, которую я так настойчиво и так безуспешно пытался вспомнить. Это было в далёком раннем детстве. Я сидел на полу в избе и играл с маленькой, выдавшей виды лошадкой на колёсиках. Мы жили в селе. Мама во дворе кормила кур. Я слышал, как она их созывает.

– Тю-тю-тю, тю-тю-тю, тю-тю-тю-теньки! Тю-тю-тю, тю-тю-тю!

Картина мне была знакомая, не раз виденная. Мало того, я и сам несколько раз с мамой кормил наших кур просом. Они при этом неслись наперегонки с огорода во двор, жадно накидывались на зерно, рассыпанное по земле. Куры толпились, иногда переругивались, но больше ворковали от удовольствия.

Я продолжал играть с лошадкой и одновременно прислушивался к происходящему во дворе. Я не мог не прислушиваться – там была мама. Слышно было шуршание зёрен по металлической стенке кастрюли – мама перемешивала просо с каким-то другим зерном. Потом она бросала очередную пригоршню, и куры каждый раз при этом сильно оживлялись, радостно галдели, будто одобряли мамину щедрость.

Так продолжалось несколько раз. Затем всё стало стихать, куры молча доедали остатки зёрен.

Я услышал в сенях шаги, дверь приоткрылась, и я увидел мамино лицо. Она улыбнулась мне и сказала: «Костик, ну-ка, поднимайся! Быстренько, быстренько выходи во двор! Там такая красивая птица прилетела и сидит на груше у бабы Галенки!» Я мигом выбегаю во двор, мама меня обнимает и разворачивает лицом в сторону груши наших соседей.

– Вон же, вон, смотри, какая красивая птица, – мама рукой показывала мне, куда надо смотреть. И я её увидел – эту птицу! Она сидела высоко на дереве. Она и в самом деле красивая: яркая, праздничная, но самое главное – у неё на голове была нарядная корона!

– Это удод, так называется эта птица, – сказала мне мама. И удод на груше, будто в подтверждение маминых слов, запел свою нехитрую песенку.

– У-гу-гу! У-гу-гу! У-гу-гу!

На картинке определителя была точно такая же птица, какую я видел на груше: той же расцветки, с ярким хохолком-коронай на голове. Но ведь у птицы, которую я встретил в районе Кумейки, никакого хохолка, никакой короны на голове не было. Надо было как-то с этим разобраться. Я опять погрузился в книги.

И нашёл ответ на вопрос о «птице с двумя клювами». Мне попала на глаза информация о том, что удод имеет обыкновение складывать свою корону веером. Там же я увидел и

картинку, где птица была изображена без хохолка на голове, вернее, со сложенным хохолком, который и торчал на затылке острым выступом, напоминающим клюв. Вот и всё. Я разрешил загадку, которая не давала мне покоя. Можно было и успокоиться. Что я и сделал.

Но надо сказать, что история с удодем на этом не закончилась. Она имела продолжение. Я много лет держал охотничьих собак, лаек. Охотился. Надо сказать, что моё увлечение, моя привязанность к тайге сыграли большую роль в 90-х, когда бюджетникам, к которым принадлежали и мы с женой, в Братске перестали платить зарплату. Приходилось выживать с помощью тайги. Было и такое. Выгуливал я своих собак в ближайшем пригородном лесу. И вот в этом-то лесочке гнездились множество разнообразных птиц. Но поскольку к дичи они не относились, то особого внимания я на них не обращал. Так было раньше. Теперь же, после истории с удодем, всё изменилось. Я стал замечать за собой, что мне хочется узнать: а как зовут эту птичку? Как она поёт? Где гнездится? И, отправляясь в лес на прогулки с собачками, я стал брать с собой бинокль. И ещё я приобрёл книжку – «Определитель птиц».

И теперь во время прогулок в лесном массиве я внимательно рассматривал в бинокль каждую незнакомую мне пичужку, а дома по определителю узнавал её название, читал всё, что про неё было написано в книге. Это оказалось очень интересно. Я даже предположить не мог, что рядом с горо-

дом, совсем недалеко от моего дома (я жил на бульваре Победы) живёт соловей. В Сибири, на Севере – соловей! Соловей-красношейка. И варакушка, и горихвостка, и зяблик, и чечевица – и множество других птах, которые гнездились, распевали свои песни, выводили потомство в окрестностях города Братска.

Жители ближайших улиц: Энгельса, Советской, бульвара Победы – нередко гуляли по дорожкам лесного массива с детьми. И случалось, при встрече меня спрашивали: «А вы не знаете, как называется эта птичка?» Видимо, любознательные дети донимали их вопросами. «Знаю, – отвечал я, – это скворец». «Как, неужели у нас здесь есть скворцы?» – удивлялась мама ребёнка. «Есть, – отвечаю, – и много других есть, которые у нас на слуху, о которых мы немало слышали, но, встречаясь с ними, мы их не узнаём». И я рассказывал о птицах, живущих в нашем лесу. Я видел неподдельное удивление от услышанного. «Надо же, а мы и не знали...»

Я открыл для себя удивительный мир пернатых. Мир светлый и радостный. И мне хотелось приоткрыть этот мир для людей. А всё благодаря птице с «двумя клювами!»

Желна

Наша Улюшка. По этой дорожке мы ходим к морю.

Жил я на бульваре Победы, гулял с собаками то в овраге, который у нас рядом с домом, то в лесочке, который начинается сразу за улицей Энгельса и тянется к морю. И, конечно, во время этих прогулок частенько попадались мне на глаза

всякие лесные пичуги, которые водились в нашем лесочке. И, надо сказать, они своей суетой, своим звонким гомоном очень оживляли лесной массив, и смотреть на них всегда было приятно. Но какого-то особого интереса пернатые обитатели пригородного леса у меня не вызывали.

Однако после случая, описанного мной в рассказе «Птица с двумя клювами», заинтересовался я этими пичугами всерьёз. Стал рассматривать их в бинокль, слушать голоса, находить места гнездований. А в какой-то момент я даже начал записывать в тетрадку то, что привлекало моё внимание во время прогулок и наблюдений. Недавно рылся в своих бумагах, и попалась мне на глаза эта самая подзабытая зелёная тетрадка. Я стал разбирать в ней свои старые записи – что-то показалось интересным... Решил поделиться некоторыми из них – может, кому-то тоже будет любопытно.

Апрель, 12.

Сегодня в обед ходили гулять с Вилюйкой. Вчера ему исполнилось пять месяцев. Вчера же во время прогулки вроде бы встретили скворца. Обычно в это время они и прилетают в наши северные края. Рассмотреть нормально не удалось. Был без бинокля. Может, и не скворец. Он был один. Разведчик. Сегодня я бинокль взял, но, как водится, скворец в этот раз на глаза не попался. И вообще лес пустой. Даже сороки и вороны попрятались. Температура днём плюсовая. Снег тает. По улицам и тротуарам бегут ручьи. Снег вдоль дорог грязный, ноздреватый.

В лесу тихо, безветренно, только изредка прокаркает ворона да затрещит сорока. Как-то вяло, словно нехотя, попискивают синички. Во всём ощущается весенняя влага – и в сыром, застывшем воздухе, и в отмякшем, липком снеге, и в серых, медленно плывущих облаках. Лёд на море потерял привычную белизну. Теперь он серый, местами голубой. На льду тёмными точками маячат два рыбака. Один неподвижно застыл у своей лунки, другой же всё снуёт от лунки к лунке. А затем и вообще ушёл куда-то вдаль, в сторону Тёщиного языка – едва виден. Наверное, очень хочется ему поймать.

Возвращались домой. Я решил, что зря взял бинокль. Но оказалось, не зря. Уже на выходе из леса, возле старого, почерневшего пня, прямо на снегу сидел и что-то клевал чёрный дятел желна.

Когда я стал приближаться, дятел взлетел и прилепился к стволу берёзы – достаточно низко над землёй. Я достал бинокль. Дятел зацепился лапками за кору берёзы прямо на уровне своей груди, а снизу основательно упёрся в ствол хвостом. Чего-то немного поклевал тут же, на месте, и стал прихорашиваться. Поправил клювом пёрышки на груди, затем – под крыльями, а потом и сами крылья стал приводить в порядок, для чего приподнимал и оттопыривал их – то одно, то другое. Иногда он не только клювом работал, но и лапкой чесал себя в разных местах. В это время держался он за ствол одной лапкой, правда, при этом помогал себе хвостом.

Это было удивительно. Я пожалел, что у меня нет с собой видеокамеры, можно было отлично снять. Дятел будто нарочно показывал мне цирковые номера. Можно было подумать, что он за зиму соскучился по людскому племени и теперь с удовольствием передо мной позирует. Бинокль оказался очень кстати. Видно было каждое пёрышко. Его белые круглые глаза с чёрной точкой посередине, светлый, почти белый с боков клюв с тёмно-коричневым наконечником, продолговатую красную шапочку на голове.

Причипурившись, дятел опять опустился на снег – а дальше стало происходить что-то непонятное. Он начал окапы-

ваться. Как пехотинец на позиции. Дятел клювом, словно лопатой, стал отбрасывать снег – сначала в одну сторону, потом в другую. Снег бросал так, что просто невозможно было поверить, что делает это собственным клювом, а не какой-то специальной лопаткой. Вскоре на поверхности осталась одна голова в красной шапочке. А затем и та пропала, и только комья снега летели откуда-то из глубины на поверхность. А через какое-то время вместе со снегом стали летать и щепки. Что там происходит – не понять. А уж очень хотелось.

Я прошёл вперёд по тропе, но ничего нового не увидел. Всё так же летели откуда-то снизу щепки со снегом. Рыл он свой окоп немного в стороне от тропы. Я побрёл по всё ещё глубокому снегу в направлении трудившегося не покладая «рук» дятла. Но он, услышав моё приближение, тут же взлетел и завис на стволе берёзы – уже другой, стоявшей неподалёку. Я же принялся исследовать место его усердных трудов.

Оказалось, что дятел вырыл в снегу воронку, чтобы добраться до трухлявого бревна. Притом рыл он яму не над самой древесиной, а рядышком, чуть сбоку. Видимо, потому что само бревно было покрыто не только снегом, но и мёрзлой землёй, и копать в этом месте было сложно. Вот он и пристроился чуть сбоку, где лежал чистый снег. Здесь он вырыл свою воронку и, добравшись до древесины, стал её долбить. Вернее, даже не долбить, а щипать. Потому что долбить её нужды не было. Когда я попробовал бревно рукой, оно оказалось очень рыхлым, податливым, и я легко отхватил поря-

дочную щепоть мягкой трухи. Каким-то образом дятел сообразил, как можно добраться до трухлявого бревна и чем-то там поживиться.

Тем временем Вилюйке надоело мышковать, тем более что у него это не очень получалось, и он занырнул в снежную массу и, можно сказать, вплавь добрался до меня. Я взял его на поводок, и мы стали выбираться на тропу. Как только мы немного отошли, дятел вернулся в свой окоп и наверх полетели щепки с комками снега.

Прилетели свиристели!

Людмила с Улькой на прогулке.

24 апреля.

Сегодня пошли гулять с утра. За ночь чуть приморозило и лужицы на лесных дорожках подёрнулись тонким ледком, но в городе по проезжей части бегут ручьи. В лесу пасмурно и тихо. Кроме нас с Вилюйкой, никто не гуляет. Подходя к

«треугольной поляне», увидел на дереве двух птиц. Небольшой, когда-то вырубленный участок, теперь заросший бурьяном, и в самом деле похож на вытянутый треугольник. Достал бинокль. Птицы оказались свиристеями. Красавцы! Одна птичка вскоре улетела, а другая осталась и долго сидела на сухой берёзе, на коротком сучке.

Видимо, осталась нарочно, чтобы я её получше рассмотр-

рел. И ведь есть на что посмотреть. Брюшко и спинка серо-бурые, в некоторых местах с розовым отливом. На голове – серовато-розовый прелестный хохолок. Крылышки чёрные, украшены жёлтыми поперечными полосками и красными пятнышками. И, наконец, главный отличительный признак свиристели – аккуратный хвостик с жёлтой окантовкой.

Возле клюва и глаз, а также на горлышке всё выкрашено в чёрный благородный цвет, и кажется, что свиристель надела маску и собралась на бал-маскарад в высокое собрание. Она и правда выглядит очень достойно и благородно. Только приглашать её на банкет в приличное общество я бы всё-таки поостерёгся. Очень уж прожорливы эти хорошенькие птички. Осенью на даче, когда стаи свиристелей налетают на участки, они моментально оголяют начисто ягодные кусты и деревья.

Притом клюют неряшливо, очень много ягод спускают на землю. Как говорится, ни себе ни людям. Так мало того – ходят слухи, что эти милые птички в своей неумной прожорливости порой нахватаются перестоявшей «пьяной» ягоды – и в стельку. На «ногах» не стоят, крылья их не держат, валяются где попало. Добрые люди находят пернатых выпивошек, отхаживают, отпаивают уж не знаю, чем, – может, что и рассолом. Вот такие у них манеры. Но, как бы там ни было, птички красивые и привлекательные.

Вчера, 23 апреля, была Пасха. Солнце светило спозаранку и до самого вечера. Снег тает на глазах. На противополож-

ной стороне залива – городской пляж. Там снега уже практически нет. И даже на Тёщином языке его осталось с гулькин нос.

Когда уже возвращался и вышел опять на эту поляну, то услышал протяжный призывный свист. Скворец. Впервые в этом году видел его 12 апреля. Но уверенности не было. Ходил без бинокля. А хорошо рассмотрел 20 апреля. Здесь, на этом же месте, встретил уже парочку. Сидели на берёзе справа от тропы. Грелись на солнышке и прихорашивались.

Пёрышки у них были будто намокшие. У меня даже мысль мелькнула: может, они только что прилетели откуда-то из-под дождя? Но на следующий день я их увидел точно такими же, с торчащими, будто мокрыми, пёрышками. Они сидели на той же берёзе и поправляли пёрышки своими жёлтыми клювами. При этом иногда посвистывали, иногда трещали о чём-то своём.

Сегодня же я скворца увидел прямо на тропе. Поднёс бинокль к глазам, чтобы лучше рассмотреть. Но он, видать, был не расположен. Убежал в лес и пропал за сугробом. Пока я тихонько подбирался, стараясь высмотреть его, ещё парочка скворцов поднялась с тропы. Оба уселись на виду. Видно, кормились на дорожке, семена подбирали.

Прошёл поляну. Слева от тропы в снегу купалась сорока. Интересно. То-то они все такие чистенькие, умытые, я бы сказал, нарядные. Впрочем, все птички весной нарядные.

А лютая длинная сибирская зима уходит. Уходит грязны-

ми снежными сугробами по обочинам дорог, мутными потоками по тем же дорогам да оврагам, возвратными заморозками и запоздалыми метелями. Но, как бы Зима ни сопротивлялась, – на смену идёт Весна! Тёплыми лучами солнца, звонким птичьим гомоном, рыжими проталинами с первыми подснежниками и удивительно похорошевшими девушками, одетыми легко, по-весеннему!

Пришла Весна!

Людмила с багульником.

11 мая.

Вилюйке сегодня шесть месяцев. Гулять пошли в половине восьмого. Наконец-то тепло. Пернатое племя на радостях запело, зазвенело – каждый во что горазд. А вообще получается звонкий, весёлый и, что удивительно, очень

стройный, гармоничный птичий хор! Весна! Природа! Заметнее всех лесные коньки. Взлетают, складывают крылья лодочкой и планируют с песней. Слышно их по всему лесу. Песня простая, незамысловатая. Планируя, издают дребезжащую трель: тр-тр-тр, тви-тви-тви-тви. Сидя на верхушке: чив-чив-чив, тви-тви-тви-тви. Встретили птичку с чудесным, очень ярким соловьиным напевом, правда, достаточно коротким. Рассмотреть как следует не удалось – птичка осторожная. Успел заметить, что очень красивая, яркая. На крыльях белые полосы, грудка красноватая, на голове – голубоватая шапочка. На обычном месте, возле прогала, встретили скворца. Подпустил очень близко. Сидит, посвистывает, а то начинает имитировать разных птичек. Да так мастерски, так умело, что и не отличишь, где подражатель, а где оригинал. Сегодня сидит один. Видать, скворчиха уже уселась на яички. И вороны встречаются поодиночке. Мамашки, видать, уже на гнёздах.

Возвращались через овраг. На молодой осине пела овсянка. Подпустила очень близко – смотри сколько хочешь. Песенка незамысловатая, но приятная. А уж красавица какая наша овсяночка! Ещё поискать такую. Ярко-жёлтая головка с симпатичными полосками, ярко-жёлтая грудка с коричневыми узенькими дорожками. К тому же какая-то она своя, привычная, родная. Может, потому и не улетает. Сидит себе да поёт. На море ещё лёд, только заливы освободились. В лесу же снега практически не осталось. И, можно сказать, сухо.

Ездили на дачу. Привезли семь литров берёзового сока.

На моём берегу...

24 мая.

Утром приморозило. Грязь на лесной дорожке затвердела и напоминает чёрную лепнину, прошитую тонкими нитями изморози. Ловлю себя на том, что, ступая сапогами, стараюсь по возможности не рушить природный декор.

Вышли с Вилюйкой около восьми часов утра. Солнце пригревает, может, и погода наладится. Несколько дней назад подул сильный ветер, прямо ураган. Нагнал снега и холода. Снег ночью выпал – днём растаял. А холод остался. Донимал все эти дни. Может, теперь наконец погода наладится. Может, вот оно, долгожданное тепло – явилось!

В лесу оживление, птички повеселели и дружно запели, будто ранней весной.

Ветер угнал от берега лёд, и теперь в заливе чистая вода. Плавают утки. Но море ещё покрыто льдом. За образовавшейся полосой воды всё ещё монолитный ледяной панцирь, на котором нашла пристанище многочисленная колония чаек. Держатся поближе к воде, кричат, толпятся.

Второй день вижу рыбаков на лодке. Только появится чистая вода – появляются рыбаки. Истосковались за зиму. Проверяют сети. Интересно, что они там ловят, рядом с городом?

Встретили на берегу довольно крупного кулика. Ходит один, переставляет свои длинные ноги, что-то ищет в воде у самого берега. Спинка тёмно-коричневая, низ светлый. Клюв длинный, чёрный. Когда взлетел – крылья острые, серповидные, как у стрижа. Крик: тиклюй.

По всему берегу снуют малые зуйки. Вилюй сперва чего-то там мышковал, но в какой-то момент обратил внимание на куликов. Стал носиться за ними как подорванный. Пытался отозвать – куда там! Я его и сухим кормом смани-

вал, и уговаривал, и стыдил – носится, высунув язык, и остановиться не может. А зуйки, как нарочно, его дразнят. Чуть отлетит – и сядет. Летит низко, прямо перед носом собачонки. Как тут не погнаться щенку?

В конце концов я решил, что надо принимать меры воспитательного характера к моему непослушному пёсику, и решительно направился с берега в сторону леса. Испытанный метод воспитания. Останется один, испугается. Бросится на поиски хозяина. Так всё и вышло.

Вилюйка заметил мой уход и тут же пустился вдогонку. Догнал, успокоился, повилял хвостом и рванул к берегу, к своим зуйкам, правда, при этом не забывал оглядываться – проверял, что я стану делать. Ну а я, не будь дурак, демонстративно направился в глубь леса. Он опять ко мне. Догнал, всё так же повилял хвостиком и опять понёсся к морю – но не добежал. Остановился на полпути между хозяином и куликами и, видать, растерялся. Мечется, не знает, на что решиться.

И побегать за птичками очень хочется – охота хуже неволи, и хозяин вроде всерьёз собрался уходить – боязно одному остаться. Пока стоял, пока сомневался, хозяин скрылся в лесной чаще. Тут уж не до раздумий. Бросился догонять – а охота на куликов подождёт до следующего раза, решил Вилюйка.

И ведь правильно решил. Когда догнал хозяина и вместе шли домой, то еле плёлся позади, хромя на переднюю ла-

пу. Так что пришлось на поводке тащить лихого охотника – до того он умаялся и сбил без привычки ноги. Это я, конечно, о Вилюйке. Потому как сам я за зуйками не гонялся, ног не сбивал, а даже наоборот – ходил по бережку степенно, нежился в лучах весеннего утреннего солнца и погружался в благостное умиротворение.

Я наполнялся тихой радостью: от невероятно ярких, играющих на волнах солнечных бликов, от распустившихся фиолетовых подснежников, казавшихся сигнальными фонарями на опушке леса, от порхающих вокруг птичек. Душа возносилась и витала где-то в эмпиреях!

И в этот момент мимо меня пронёсся торпедой, мелко перебирая лапками, зуёк с ошейником. Интересно, куда это он так спешит, промелькнуло в голове. Но не успел я опомниться, как мой зуёк оказался верхом на такой же, как и сам, пичуге. Я вначале подумал, что запрыгнул он на птичку для того, чтобы потоптаться по ней ногами. Потому что он какое-то время только этим и занимался. А нижняя почему-то всё это терпела. А может, чего-то ждала?

Мне показалось, что была она немного крупнее оседлавшего её франта, но заметно уступала ему в красоте одеяния. Выглядела куда скромнее. Он долго топтался по спине пичуги – и я решил, что этим всё и закончится. Но в какой-то момент наш красавец зуёк начал вилять вправо-влево хвостиком, а затем, продолжая всё так же вилять, начал хвостик опускать вниз, прямо загибая его к земле.

Нижняя птичка при этом начала свой хвостик задирать вверх. Затем лихой наездник часто-часто затрепыхал крыльшками и на мгновение своей задней частью прильнул к нижней птахе... И упорхнул. Прелюдия была долгой. Сам акт любви произошёл моментально. Птички... Небесные со-

здания... Что тут можно ещё сказать...

Пока плелись с Вилюйкой домой, нашли гнездо скворца. Вначале-то я заметил самого скворца. Он восседал на верхушке сухой лиственницы, сверкая в лучах солнца своим ярким отливом-переливом. А рядом с лиственницей стояла берёза. Старая, доживающая свой век, с обломанной верхушкой, но ещё с ветками. И, надо полагать, берёза была уже порядком трухлявая. В обломанном стволе её зияли два дупла. Вот в одно из этих дупел и залетел скворец и сидел в нём, выглядывая почти до половины.

Как только скворец скрылся в дупле, тут же появился и уселся сверху на обломанный ствол пёстрый дятел. Видать, два дупла на старой берёзе – его работа. И вообще, скорее всего, это была его вотчина. А скворец временно снимал жильё на летний сезон, может, даже и не спрашивая хозяина. Так они и предстали перед нами – строитель и квартирант.

Со времени последней записи мы с Вилюйкой и, конечно, с Людмилой отметились на открытии охоты. Ездили на тетеревиный ток на 72-й километр. Дорога кошмарная, но ток – просто чудо! На небольшом пятачке на полянке собирается больше десятка косачей. А как поют, как играют! И, что греха таить, дерутся. Петухи!

Неплохое снял видео. Одного взял. Всё-таки открытие охоты.

Ты Витю видел?..

26 мая.

Погода вроде наладилась. Потеплело. Только вышли со двора, только перешли дорогу и вошли в лесок, как встретили громкоголосую, очень приметную птичку. Головка ярко-красная, грудка ярко-красная, спинка и брюшко ро-

зовые. Кажется, что какой-то маляр взял её за хвостик и окунул в красно-розовую гуашь. На немножко. Краска взялась неравномерно: где-то лучше, где-то хуже, но птичка получилась яркая, приметная. В общем, чечевица.

Сидит на ветке и у всех спрашивает: «Ты Витю видел? Ты

Витю видел?» «Кого-кого?» – в шутку переспрашиваю я

А она, дурочка такая, приняла всё за чистую монету и дай мне втолковывать: «Витю – Витю, Витю – Витю, Витю – Витю». А какого Витю? Кого она имеет в виду? Попробуй догадайся. Мне на ум приходит только один Витя. Витя-Суслик. Рыжий, конопатый, лихой. Друг моего далёкого босоногого детства. Но я его очень-очень давно не видел. И даже не могу сказать, вспоминал ли когда, нет ли? А ведь было что вспомнить. Как-то притаранил мне Суслик боеприпас, который нашёл у себя в огороде, в огурцах. «Во, смотри, какой огурец на грядке нашёл», – хвастается своей находкой Витя-Суслик и расплывается в самодовольной улыбке, отчего его задиристый курносый пяточок задирается ещё выше.

Мы жили в селе, и этого добра после войны в наших краях хватало. Я почему-то решил, что являюсь спецом в сапёрном деле, и всё взял в свои руки. Закончилось тем, что загремел в больницу, где вытаскивали из меня осколки, в том числе из правого глаза, который там же, в районной больнице, и лечили. Провалился я там довольно долго, но, в общем, всё обошлось. Суслику тогда повезло, легко отделался. Но в следующий раз отчаянно рыдала уже его мать. Опять нашли приключения.

Вот и было что рассказать мне моей любознательной пернатой собеседнице о друге Вите. Но я не видел его много лет. Стало быть, не о нём речь. Где-то совсем рядом зазвучала очень красивая манящая трель, которая отвлекла меня

от воспоминаний, от раскрашенной чечевицы. Ещё бы – пел соловей-красношейка! Вскоре я певца высмотрел – на сухой ветке невысокого дерева у самого рва. Скромняга. На вид простой, без претензий. Похож на воробья. Только на шее красное пятнышко да возле глаз по две белые полоски: одна – под глазом, другая – над глазом.

Довольно глубокий, поросший кустарником и молодым подростом берёзы да осины ров начинался прямо от бульвара Победы и тянулся по склону вниз, к заливу Братского моря. И именно на этом месте, у рва, мне обычно и встречаются эти чудесные птички. Видать, где-то здесь у них гнёзда таятся, но я их не ищу. Боюсь спугнуть самочек, высиживающих потомство. И всё это рядом с дорогой и, можно сказать, рядом с моим домом. Я жил на бульваре Победы за 46-й школой.

Возле знакомой старой берёзы с двумя дуплами сегодня не увидел скворцов. Хотя они тут постоянно вертелись, и я считал, что парочка обязательно должна устроить здесь, в дупле, своё гнездо. Но, нет, не видно скворцов. Зато очень заметна другая парочка – дятлов. Они по очереди забираются в нижнее дупло так, что один хвост торчит, и что-то подолгу там делают. Видать, обустривают жильё для потомства.

В молодом соснячке, у второй дуплистой берёзы, встретил парочку горихвосток. Сегодня хорошо их рассмотрел: точно – горихвостки. Рядом куча строительного мусора. Только каким образом он здесь оказался? Непонятно. Почему-то любят они этот строительный мусор. А я люблю горихвосток. На даче постоянно вертятся на глазах, трогательно подёргивают пламенно-рыжими хвостиками и поют. И как же хорошо поют!

А на мысу, приспустив крылья и тоже повиливая хвостом, на небольшом деревце долго куковала кукушка. Лёд на зали-

ве пригнало к берегу, так что чистым теперь оставалось место на середине залива, где и плавали парочка чирков да парочка шилохвостей. Правда, когда возвращались с Вилюйкой, то шилохвости попались нам навстречу: летели на лужу, образовавшуюся прямо на льду, где уже плавали чирки. Братское море все ещё во льду, который совсем потерял свою белизну и стал серовато-зелёным. Выходили из леса мы на углу Энгельса и бульвара Победы, где три угловых дома соединились и образовали букву «П». Один из них стоит на Энгельса, другой – на бульваре Победы, а третий нахальным образом выпирает во двор. Когда мы перешли дорогу и оказались в этом самом дворе, тут-то нас и ждал сюрприз. Прямо перед моими глазами, на архитектурном выступе выходящего во двор дома, восседала красивая, совершенно не городской наружности птица. Судя по всему, хищная. Вначале мне показалось – ястреб. Я остановился, приложил бинокль к глазам – хотелось рассмотреть получше это диво. Но птица тут же снялась и полетела вдоль дома.

Выступ, на котором она сидела, находился на уровне нижнего края крыши, и я успел заметить, что и летит она вдоль этой самой крыши, будто привязана к ней. Будто что-то там высматривает, выискивает. Ещё я успел заметить – по её крыльям, по полёту, – что это не ястреб. Это был небольшой сокол. Какой именно, рассмотреть не успел. Я потерял его из виду. Да и немудрено. Удерживать летящую птицу в окулярах бинокля весьма проблематично. Я убрал бинокль, шарил

взглядом, где же она могла пролететь, но не находил. Птица пропала. К тому же всё рассмотреть досконально мешали деревья. Строители в своё время исхитрились сохранить во дворе чудесный островок тайги. А теперь этот зелёный островок стал мне помехой.

Мы с Вилюйкой продолжали свой путь. Я уже не надеялся увидеть сокола – пропал, как в воду канул. Но не прошли мы и двадцати метров, как объявилась наша пропажа. Сокол вынырнул из-за деревьев. В когтях он тащил что-то весомое. Хищник направлялся к лесу, и ему надо было пролететь над нами. Птица летела невысоко, её можно было хорошо рассмотреть невооружённым глазом. Это был небольшой сокол-пустельга. В когтях он тащил голубёнка. Голуби во дворе водились в большом количестве. Гнездились, видать, на чердаке, где и нашёл свою добычу соколог.

Приблизившись к нам, он облетел нас по дуге слева и направился в глубь леса. Я долго провожал его взглядом. Держал соколог птенца когтями одной лапы. Судя по энергичным взмахам крыльев и по тому, как ноша оттягивала ему лапу, добыча была для него не такая уж легкая. Птенец и в самом деле выглядел довольно крупным, хотя только начал оперяться.

Сокол летел над лесом и держал направление немного правее тех мест, где мы с Вилюйкой обычно гуляли. Видать, где-то там у него гнездо. И в гнезде – голодные, прожорливые детки, которых он, глава семейства, обязан кормить. Он

хищник, он разбойник. Так природа распорядилась. Я решил, что, как только появится возможность, мы с Вилюйкой отправимся на поиски гнезда пустельги, и, когда я высказал пёсику своё желание, тот одобрительно помахал хвостом. Он не против. Ну и ладненько. Айда домой.

Лето

лив Братского моря в районе Коврижек.

5 июня.

Наконец установилась погода. Утром на градуснике плюс десять. Небо чистое, ясное. Солнце светит ярко, по-летнему. Вчера под вечер приехали с дачи. Когда подъезжали к дому, где открывается вид на море, нашим глазам явилась удивительной красоты картина.

– Никогда такого синего моря не видела, – сказала Людмила.

И в самом деле – недвижимая морская гладь была синевы необыкновенной! Солнце клонилось к закату, было тихо и безветренно. На море установился полный штиль. Пришло лето...

Только вышли со двора, перешли дорогу и вошли в лес – встретили старую знакомую. «Ну, здравствуй, голубушка!» – поприветствовал её я. Она же, как всегда, спросила про Витю и перепорхнула на соседнюю ветку, где ей, видать, сподручней было поболтать со мной. Но нам с Вилюйкой сегодня некогда лясы точить с раскрашенной чечевицей, тем более что говорит она всегда об одном и том же: спрашивает про Витю. Мы сегодня собрались искать гнездо сокола пустельги – нам некогда. Мы решительно забираем вправо и продолжаем путь в направлении, куда в прошлый раз улетела хищная птица пустельга с голубёнком в когтях.

Мы с Вилюйкой какое-то время идём по тропе и выхо-

дим на узкую лесную дорогу, по которой обычно ходим к морю. Иногда, правда, идём лесом с левой стороны дороги. Лес здесь светлый, весёлый. В основном берёза. Встречается, правда, и осина, и сосна, и редкая ель, но они картину никак не портят. Наоборот, дополняют ландшафт. Парковая зона. Но на этот раз мы заходим в лес с правой стороны дороги. Ходить здесь неудобно и неприятно. Лес, захламлённый валежником, часто встречаются заросли кустарника, одним словом – дебри. Но, по моим расчётам, соколиное гнездо надо искать где-то в этих местах, справа от дороги, так что деваться нам некуда.

И мы с Вилюйкой терпеливо и настойчиво перебираемся через завалы, продираемся сквозь заросли – ищем. Вилюйка почему-то решил, что гнездо надо искать в траве, – уткнулся носом в землю, так всё и носится. Я же шарю взглядом по верхам. Направление мы держим к морю, но двигаемся не по прямой, а челноком: то влево пройдем, то вправо, как и положено в поиске. Так через пни-колоды, по чащобам, по завалам мы шарахались довольно долго, искали прибежище хищной птицы пустельги. И уже успели порядком набить ноги и основательно нагреть лбы, когда труднопроходимые дебри как-то разом закончились и мы очутились на просторном, ясном берегу моря.

Видит Бог, мы с Вилюйкой очень старались, делали всё как положено, не халтурили: и челноком ходили, и проверяли все закоулки, и, кажется, ничего не пропустили, но того,

что искали, не нашли. То ли я в расчётах ошибся, то ли не наш день сегодня или ещё чего, но гнездо сокола мы так и не нашли. Хотя я не сомневался – где-то здесь оно, недалеко.

На берегу Вилюй опять гонялся за куликами. А я сидел на бревне, отдыхал, нежился на солнце. Зуйки, как обычно, дразнят Вилюйку. Когда он гонится за ними, то летят низко, часто присаживаются, а тот всё носится, и всё ему кажется, что он вот-вот поймает птичку. Ему, глупому щенку, и невдомёк, что его дурят. Набегается до того, что домой еле плетётся. Оно и неплохо. Потому что, когда мы возвращались, я решил не берегом выходить на дорогу, а срезать через лесок.

Прошёл я по лесу минут пять, не больше, как поднял самочку лесного конька. Она вспорхнула откуда-то из травы, но тут же приземлилась и побежала, привлекая раненое крылышко и время от времени присаживаясь, – пыталась увлечь меня за собой, как зуйки Вилюя. Я понял, что где-то рядом спрятано её гнездо, и стал внимательно осматривать место, откуда снялась птичка. Взлетела она с чистого места, с небольшой полянки. Я был уверен, что найду гнёздышко легко и быстро. Но не тут-то было. Я этот небольшой участок – чистый, незахламлённый – обошёл несколько раз вдоль и поперёк. Проверял всё пристально и основательно, но гнёздышко на глаза не попадалось.

Я предположил, что птичка, прежде чем взлететь, могла незаметно в траве отбежать в сторонку, чтобы обмануть ме-

ня, и расширил зону поиска. Предположение оказалось верным, и я быстро нашёл то, что искал. На самом краю полянки, в небольшом углублении под веткой молодой невысокой ёлочки, увидел аккуратное гнёздышко с яичками. Они были небольшие, серые с зелёным отливом, с тёмными крапинками. Яичек было пять или шесть. Толком сосчитать их я не успел. Объявился Вилюйка.

Когда я уходил, Вилюй всё гонялся по берегу за зуйками и со мной не пошёл, хотя я и звал его. Теперь он нашёл меня по следу, и мне пришлось срочно брать его на поводок, чтобы пёс окончательно не напугал птичку-наседку и та не бросила гнездо. Надо было уводить Вилюйку подальше от этого места. Теперь какое-то время, пока птенцы не станут на крыло, будем гулять на поводке. Дальше мы продолжали свой путь в дружной связке. Конечно, идти по лесу с семимесячной лачкой на поводке радости мало – Вилюйке всё куда-то надо: то туда дёрнется, то сюда тащит – молодой, глупый и очень любопытный. Но я его понимаю.

А за то, что мы такие правильные, нам вышла награда. Наконец-то удалось рассмотреть птичку – в голубой шапочке, с красновато-бурой грудкой, – которая красиво поёт и всё прячется от меня в сосне. Осторожная...

Она виртуозно исполняет короткое коленце, в конце которого будто ставит росчерк. Так сказать, закончив исполнение, ставит свою подпись. И неудивительно. Под таким исполнением я бы и сам подписался. Песенка очень красивая,

хоть и коротенькая. Но это не беда. Не грех и повторить красоту такую. Она и повторяет – через небольшой интервал. И делает это, судя по всему, охотно, без усталости. Может повторять бесчисленное количество раз.

Сидит она, как правило, в середине или на нижних ветках сосны, где её трудно высмотреть. Сегодня это удалось. Мало того, я нашёл и гнездо её. В нашем светлом берёзовом лесочке, рядом с молодой ветвистой сосной, торчал ствол сухой берёзы с обломанной верхушкой и без веток. Столб столбом, только что с ушами – по бокам трутовики выросли. И в этом старом ушастом столбе, ближе к верхушке, я заметил дупло. А в это дупло время от времени и залетала моя птичка. Видать, у неё там гнездо. Иной раз, прежде чем забраться в дупло, она какое-то время сидела на верхушке ствола. В этот момент я её и рассмотрел

Это зяблик! Очередной сюрприз. Не ожидал, что в наших северных краях гнездятся зяблики. Ведь не зря же у них такое название. От слова «зябнуть». Они должны бояться наших холодов. Ан нет, всё им нипочём. Гнездятся, плодятся, да ещё как при этом расппевают! Видно, не бедствуют зяблики на земле братской, хоть и приравнена она, земля эта, к районам Крайнего Севера.

А для птички – два пряничка...

Жарки на фоне молодого иван-чая

12 июня.

Сегодня с Вилюйкой спустились в овраг. Он у нас по соседству. Выходишь со двора, переходишь улицу – тут тебе и овраг. Жители прилегающих микрорайонов выгуливают здесь собак, те же, у кого их нет, прогуливаются сами. Дело

в том, что наш овраг – это широкий, просторный лог, поросший деревьями и кустами, с зелёными полянами, с нахоженными тропами, с ручейком на дне и светлым весёлым косогором, который полого и степенно поднимается к улице Обручева в районе целлюлозно-бумажного техникума.

В общем, наш овраг – место привлекательное и бойкое. Особенно в июне, когда всё здесь зеленеет, благоухает и цветёт. И что удивительно... Три недели назад земля вокруг была чёрная, обгорелая, как головешка. После весеннего пала. Казалось, что выгорела она до основания, и теперь на ней никогда ничего не вырастет, и вечный удел её – бесплодное и бесполезное прозябание под чёрным траурным покрывалом.

И вот прошло меньше месяца, наступил июнь – и откуда что взялось? И многочисленные золотые лютики, и ярко-оранжевые жарки, и затейливые башмачки, и голубая герань, и белая кашка, и медуница... И жёлтые одуванчики вдоль тропинок. И всё это на сочном зелёном ковре из молодой травы, лугового клевера, зелёных, с белым подкладом языков соссюреи, солодки, пастушьей сумки... Всего не перечислить. Да и не знаешь многих растений.

С чего же всё это выросло? Выросло, да с такой щедростью, да в таком многообразии?! Откуда? Неужто из той самой убогой и безжизненной черноты? Чудны дела твои, Господи!

Такие вот мысли посетили меня сегодня, когда мы с Вилюйкой шли по оврагу. Гулять мы с ним ходим по-разному.

То сразу в лес идём, то через овраг. А то просто в овраге прогуляемся – и домой. Если времени мало. Сегодня пошли через овраг, потому что здесь он может бегать свободно, не на поводке. В лесу же, когда я его отпускаю, он тут же пропадает из глаз и волен заниматься всем, что взбредёт в его бедовую щенячью головушку. В том числе и гонять птичек, сидящих уже на гнёздах, устроенных на земле. А здесь, в овраге, он постоянно у меня на виду и опасности пернатому поголовью не представляет.

Внизу, сразу за мостиком, на молодой осинке сидит жулан-сорокопут. Он всегда здесь сидит. Хищник с приятной внешностью. В жизни так бывает. Сидит по-особому – вертикально: его аккуратный длинный хвост смотрит вниз, туловище торчит столбиком. Всегда развёрнут к врагу. Грудка и брюшко белые. Шапочка на макушке буровато-серая. На глазах узкая чёрная маска, как у благородного разбойника Зорро из фильма с Аленом Делоном.

Но всё дело в том, что наш сорокопут – разбойник совсем не благородный. Растительную пищу он не употребляет. Ему подавай живность. В его рационе всё, что ползает, всё, что летает, в том числе и его сородичи – небольшие певчие птички. Какое уж тут благородство...

И хоть внешность у него привлекательная, то голос, надо сказать, очень противный. При приближении неприятеля – будь то я, будь то Вилюйка – жулан начинает издавать резкие, короткие угрожающие звуки. При этом сидит до последне-

го, не трусит, а если и улетает, то недалеко. И всё продолжает грозить, дескать, не поздоровится, если что. Выглядит он при этом весьма убедительно. Видно, не шутит. Значит, где-то рядом у него гнездо и так он защищает своё семейство. Смело и отчаянно.

Я как-то уже глубокой осенью нашёл неподалёку отсюда, в зарослях кустарника и крапивы, это гнездо. Располагалось оно у самого ручья, в развилке старой ивы. Достаточно большое, грубоватое, устроенное непривычно низко над землёй. Я прикидывал и так и сяк, но понять, чьё оно, так и не смог. Не исключено, что это и было гнездо жулана.

После оврага мы с Вилюйкой перебрались на берег залива, где щенок всё так же свободно бегает. Места открытые, пёсик на глазах, и у меня нет опасений, что он может как-то набедокурить. Так мы прошли вдоль залива метров 200, когда я услышал новый, незнакомый мне напев. Мелодия неслась с берёзы, стоявшей отдельно, на приличном расстоянии от своих лесных сородичей, у самой воды. Саму птичку я не видел, но пела она так трогательно, что я тут же отправился на её поиски.

Зашёл в лесок и, прячась за кустами и деревьями, вскоре оказался напротив нужной мне берёзки. Песенка звучала совсем близко, была она тихая, очень мелодичная и немного с грустинкой. Певца я увидел там, где и предполагал, – на берёзе, на ветке. Он был весь на виду, не прятался. В первую минуту я почувствовал разочарование. Мне показалось, что на ветке сидит обыкновенная овсянка, которая почему-то запела не своим голосом. А решил я

так потому, что грудка и брюшко у певца были ярко-жёлтые, овсяночьи. Но очень быстро понял, что не прав.

Птичка сверху вся была шоколадной, что нетипично для овсянки, к тому же поперёк грудки её проходила характерная коричневая полоса.

Это был дубровник. Родственник овсянки, но в наших краях птица очень редкая. Раньше я её никогда не встречал, и знакома она была мне только по определителю. Естественно, мне хотелось рассмотреть её досконально, но не вышло. На нас с Вилюйкой набежал пожилой бегун в майке и шортах. Вилюй сдуру принялся его облаивать. Тот остановился и ждал, пока я уберу собаку. Мне пришлось брать щенка на поводок. Пока возился с Вилюйкой да извинялся перед спортсменом в годах... и в шортах, дубровник улетел. Больше он мне не встретился. Редкая птица.

Когда вышли на мыс, Вилюйка, как всегда, принялся за зуйков. Теперь он охотился за ними в воде – то вскачь, то вплавь. Недалеко от берега из воды торчало несколько

столбиков, на которые и присаживались зуйки, поддразнивая щенка. Тот и плавал от столбика к столбику. Иногда же вскачь носился за птичками по отмелям. Пока Вилюйка был увлечён куликами, я решил проверить, как там знакомое гнёздышко лесного конька, где самочка уже сидела на яичках. Возникли у меня некоторые опасения на их счёт.

Вчера мы с Вилюйкой опять искали гнездо пустельги. На этот раз нашли. Гнездо большое, высоко на сосне. Нашли мы его ещё правее, чем я предполагал, – за дорогой, которая идёт к морю от улицы Советской. Птенцов в гнезде, судя по всему, ещё нет. Я не заметил, чтобы птицы кормили молодняк. Это меня, правду сказать, удивило. Я ведь был уверен, когда увидел сокола в городской черте с голубёнком в когтях, что тот тащит его для своих птенцов. Оказалось, я ошибался. Видать, голубёнка он нёс невесте. Ходят слухи, что, ухаживая за своей избранницей, он пытается угодить ей вкусными подарками.

В гнезде всё время находился кто-то из родителей. Видимо, высиживают потомство. И делают они это по очереди. Один соколок прилетел – другой улетает. Меняются. Притом каждый раз находящийся в гнезде приветствует прибывшего короткими звуками: ки-ки-ки-ки-ки... А то вдруг дуэтом заведут свою не очень благозвучную музыку.

Подольше понаблюдать за птицами Вилюйка мне не дал. Он весь извёлся и меня достал – не нравится ему в лесу на поводке быть. Ему всё неймётся, всё ему куда-то надо, по-

стоянно дёргается, тянет. В общем, морока с ним. И вот, когда мы оставили соколиное семейство и вышли на берег, я и увидел на мысу шумную ватагу школьников, которых привела учительница – то ли на отдых, то ли на экскурсию. Проблема была в том, что именно в этом месте, где расположились отдыхать школьники, на опушке леса, в небольшой ямке под еловой веткой находилось гнездо лесного конька и самочка уже сидела на яичках. У меня ещё вчера появились опасения, что шумная компания может испугать птичку и та бросит гнездо.

И сегодня я решил проверить, не случилось ли плохого. Гнёздышко находилось недалеко, и очень скоро я понял, что моя тревога, мои опасения были не напрасны. Дети нашли гнездо. Теперь оно, пустое, брошенное птичкой, сиротливо лежало на траве неподалёку от ямки, где его и прятали от чужих глаз заботливые пичужки. Яичек в гнёздышке не было. Рядом на траве лежали два пряника. Красивые яички у лесного конька: светло-серые с зелёным отливом, в веснушках.

Трудно удержаться ребёнку, чтобы не взять такую диковинку, такую красоту. Вот и взяли. Взамен же, чтобы птичке не так обидно было, оставили два пряника. С собой-то вряд ли у них были. Небось после всего уже принесли и положили рядом с гнёздышком.